

Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов. Луцьк, 2007.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

С. М. Толстая
Москва

Стереотип и картина мира*

На своем пути от социологии (социальной психологии) к когнитивной лингвистике и этнолингвистике понятие стереотипа претерпело существенные изменения, затронувшие как его содержание, так и форму и объем. В общем виде характер и вектор этих изменений можно определить как расширение границ. Если в социологии понятие стереотипа относилось почти исключительно к этническим, социальным, профессиональным и др. группам людей («Немцы аккуратны», «Китайцы трудолюбивы», «Мать заботлива» и т. п.), то в когнитивной лингвистике и затем в этнолингвистике оно стало применяться по отношению к любым сущностям (предметам, явлениям, событиям, лицам, животным, растениям и т. д.), с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности и которые получают обозначение в языке (Х. Патнэм, Е. Бартминьский). Если первоначально стереотип понимался как некоторая «субъективная» добавка к «объективному» образу объекта, а языковой стереотип – как коннотативная (оценочная) добавка к лексическому значению слова (аккуратностью не исчерпывается образ немца и значение слова *немец*), отражающая коллективное мнение о соответствующем денотате, то впоследствии стереотип стал трактоваться как целостная «наивная теория» объекта (предмета, лица или явления), включающая не только оценочные (коннотативные, интегральные), но и категориальные (идентифицирующие) признаки («идея о том, как выглядит некий X, как он действует, каков он» – Бартминьский), т. е. в соответствии с широко понимаемым лексическим значением (когнитивной дефиницией) слова.

При узком (социологическом) понимании стереотип имел вид суждения (мнения) о группах лиц или их представителях, стереотип в широком смысле понимается как некая ментальная (семантическая) сущность, которая может получать выражение в разнообразных языковых формах (лексическом значении слова, его словообразовательных и семантических дериватах, сочетаемости, корреляции с другими словами, этимологии, фразеологии, грамматических свойствах). Тем не менее экспликация стереотипа в этнолингвистике (когнитивная дефиниция) представляет собой совокупность суждений о предмете, реконструированных на базе всех языковых данных (например, стереотип солнца может быть представлен суждениями: «Солнце –

*Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).

самое яркое светило», «Солнце освещает и согревает землю», «Солнце всходит утром и заходит вечером», «Солнце – источник жизни», «На солнце нельзя показывать пальцем» и т. д.), а языковая картина мира – как «заклученная в языке интерпретация действительности, которую можно представить в виде комплекса суждений о мире. Это могут быть суждения, либо закрепленные в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (например, пословицах), либо имплицированные формой и текстами языка» (Бартминьский).

Такое (широкое) понимание стереотипа лежит в основе концепции люблинского «Словаря символики и языковых стереотипов», ср. определение, данное автором концепции проф. Е. Бартминьским: «Я понимаю стереотип широко, как субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей». Первые вышедшие тома словаря включают статьи, посвященные элементам космоса (солнце, луна, звезды, небо и др.) и природным элементам (земля, вода, камень, металлы и др.), они призваны воссоздать соответствующие фрагменты языковой картины мира. В перспективе такие стереотипы, подобно пазлам, должны сложиться в некий целостный образ.

В этнолингвистической концепции Е. Бартминьского подробно разработана методика экспликации стереотипов. Однако в ней, как и в других работах когнитивного направления, речь идет лишь о «предметных сущностях», элементах мира, стереотипы которых реконструируются путем исчисления всех «предикатов» исследуемого предмета, т. е. его свойств, признаков, действий, состояний, отношений и т. д. Сколь подробно ни были бы исчислены и интерпретированы смысловые параметры каждого «предмета» и сколь полным ни был бы охват (набор) этих «предметов», составленная из их стереотипов картина неизбежно будет страдать неадекватностью – она будет плоской, двумерной, статичной и атомарной.

Для того чтобы картина мира была адекватной нашему восприятию, она должна быть объемной, по крайней мере трехмерной, иерархически упорядоченной, динамичной и системно организованной, а это требует включения в нее не только «предметных», но и «предикатных» сущностей. При «предметном» понимании стереотипов картина мира выглядит плоскостью, заполненной предметами, подобно карте с нанесенными на нее пятнами континентов, океанов и морей. В действительности познающий и категоризирующий мир человек составляет себе представление не только о предметах и явлениях и их свойствах, но и о самих этих свойствах, присущих разным предметам и потому наделенных в определенном смысле систематизирующей (категоризирующей) функцией. Он не только видит, что трава зеленая, а кровь красная, но и делает заключение о том, что такое *зеленый (зелень)* и *красный (краснота)* и какие еще предметы этим свойством обладают; не только знает, что человек и животное рождается и умирает, но и создает некоторый стереотип (образ, концепт) рождения и умирания. В картине мира должен присутствовать образ того, что такое *ходить* или *бежать*, *плавать* и *летать*, что такое *всегда* и *вдруг*, что такое *время* и *пустота* и т. д.

Если образ (стереотип) предмета складывается из совокупности характерных для него свойств (предикатов), то образ (стереотип) предикатных сущностей

(свойств, действий, состояний и т. д.) складывается из их пространственно-временных характеристик и их предметного воплощения или наполнения, т. е. типичных для них субъектов, объектов, адресатов, инструментов, ресурсов и т. д. «Предикатные» стереотипы (включая абстрактные понятия типа «игра», «гнев», «красота» и т. п.) требуют разработки особой методики их экспликации и интерпретации. Некоторый опыт в этом отношении имеется и в лингвистической (московская семантическая школа, лексическая типология), и в этнолингвистической (словарь «Славянские древности») исследовательской практике.

Е. С. Узенева
Москва

К вопросу о терминологии родства в славянской свадьбе: *нанаш/нанашка**

Терминология родства составляет одну из значимых лексико-семантических групп терминов, обозначающих свадебных персонажей в славянской традиции, и является источником пополнения свадебной терминологии. Наиболее ярко это группа представлена у южных славян.

Включение терминологии родства в терминосистему свадебного обряда предопределено несколькими причинами: во-первых, это связано с участием реальных родственников новобрачных в ритуале, в частности крестных родителей молодого, во-вторых, обусловлено созданием новых родственных отношений между невестой и семьей жениха и членами обоих родов брачавшихся.

В докладе основное внимание сосредоточено на выявлении путей проникновения в обрядовую лексику карпатского региона терминов *нанаш/нанашка*, имеющих часто два основных значения: 1) 'посажённый отец/посажённая мать'; 2) 'крестный отец/крестная мать'.

Данная лексема встречается в описаниях свадьбы у гуцулов (*нанашко/нанашка*), молдаван (*нанаш/нанашка*), украинцев Молдовы (*нанашул/нанаша*) [Калашикова, 1980], румын (*nănaş/nănăşă, naş/năşă*) и старообрядцев, проживающих в Румынии (*нанашка*). Этимологические словари указывают на значение 'крестный отец/крестная мать', как первичное. От него, вероятно, развилось вторичное – 'посажённый отец/посажённая мать', поскольку именно крестные родители выполняли на свадьбе эту роль.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе»). Сведения из Молдавии любезно предоставлены Н. Голант, за что выражаю ей особую признательность. Румынские материалы собраны А. А. Плотниковой в экспедициях 2007–2008 гг. Пользуясь случаем, благодарю автора за переданные мне полевые данные.